

Judaica Rossica

№ 4

2006

**РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Центр библеистики и иудаики

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
Center for Biblical and Jewish Studies**

**ИЗДАНИЕ
PROJECT JUDAICA**

**A PUBLICATION
of PROJECT JUDAICA**

**Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)**

**Еврейская теологическая семинария
(Нью-Йорк)**

**ИВО – Институт еврейских исследований
(Нью-Йорк)**

**Russian State University for the Humanities
(Moscow)**

**Jewish Theological Seminary
(New York)**

**YIVO Institute for Jewish Research
(New York)**

Judaica Rossica

Выпуск
четвертый

Москва

2006

ББК 63.3(0=Евр)я43

И94

Редакционная коллегия:

Н.И. Басовская, М. Веб (США), Л.Р. Городецкий,

Л.Ф. Кацис, М.С. Куповецкий (отв. ред.),

Е.И. Меламед, Д. Фишман (США),

Художник М. Гуров

© Авторы статей, 2006

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2006

ISBN 5-7281-0938-1

ИССЛЕДОВАНИЯ

Как наблюдатель трансформирует наблюдаемый объект: Авраам Фиркович на Кавказе в 1840 г. и в 1849–1850 гг. и его влияние на горских евреев*

Согласно легенде, которая а priori принята многими исследователями, ядро еврейских общин на Восточном Кавказе составляли евреи, изгнанные из Ирана, или, возможно, переселенные туда царями Сасанидской династии в качестве воинов для обороны пути через Дербент от орд северных кочевников. Другие предания, распространенные до сих пор, относят начало еврейской диаспоры на Кавказе даже к библейской эпохе¹. В *Приложении* приведены ранние документальные свидетельства этого легендарного утверждения, но здесь отмечу лишь, что постулирование военного характера поселения (кроме аналогии с гарнизоном еврейских военных колонистов на о. Элефантина) базировалось на воинственном нраве горских евреев² и на их иранском языке, который воспринимался некоторыми как более архаичный по сравнению с классическим и новым персидским. Фактически, утверждение, что формирование ядра горских евреев относится ко времени Сасанидов не имеет под собой иного основания, кроме лингвистических данных, которые я не считаю значительными. Так, язык горских евреев происходит от одного из новоперсидских диалектов, а не от среднеперсидского или парфянского языков³. Происхождение евреев Восточного Кавказа из Ирана само по себе не вызывает сомнения, и мое несогласие с предшественниками заключается только в том, что по моему мнению, переселение евреев из Ирана на Кавказ началось в Средние века, после монгольского завоевания, и продолжалось до периода правления Надир-шаха (середина XVIII в.). Мне также не кажется, что существует какая-либо связь между хазарами или евреями Хазарского каганата и современными горскими евреями. На это, в том числе, указывает и их язык⁴.

* Эта статья является переводом с иврита переработанного и дополненного текста доклада «Авраам Фиркович на Кавказе в 1840–1841 и 1849–1850 гг.», прочитанного на Международной конференции «Горские евреи: с Кавказа в Израиль» в Институте им. Ицхака Бен-Цви по Изучению Восточного Еврейства в Иерусалиме 8–10 октября 2002 г. Перевод Л. Дрейера и Ю. Тулайковой. Автор сердечно благодарит переводчиков, а также Д. Васютинскую, М. Кизилова, Д. Конторера, М. Куповецкого, А. Федорчука за помощь в работе над русским текстом.

Документированная история горских евреев начинается весьма поздно, с российским завоеванием. Русские захватили Дербент, Баку и Кубу в 1796 г., но в короткое царствование Павла I отступили, и персы вновь заняли эти области. Российские приобретения были признаны Бухарестским и Гюлистанским договорами 1812–1813 гг. В середине XIX в. среди евреев – жителей отдаленных аулов распространяется тенденция селиться в городах или по соседству с русскими крепостями⁵, и это засвидетельствовано, в частности, А. Фирковичем. Как результат, заметно активизировались их контакты с евреями-ашкеназами из Европейской России, что, среди прочего, сопровождалось вовлечением горских евреев в орбиту нормативного раввинистического иудаизма, с которым многие из них раньше просто не были знакомы. Не будет преувеличением сказать, что в период посещения А. Фирковичем Восточного Кавказа горские евреи выглядели невеждами с точки зрения раввинистического иудаизма⁶. В конце XIX – начале XX в. высказывалось мнение, что горские евреи познакомились с Талмудом лишь в начале XIX в.⁷ и что накануне российского завоевания у них вообще не было талмудических знаний. Существует, однако, предание, что Талмуд был принесен на Кавказ задолго до того р. Авраамом ха-Бавли, но источник этой традиции неизвестен.

1840-е годы были для евреев Дагестана не только годами кровавых испытаний, которые выпали на их долю в период джихада имама Шамиля, но также, как ни парадоксально, периодом сближения их общины с нормативным раввинистическим иудаизмом. И это произошло, не в последнюю очередь, в результате деятельности А. Фирковича (называвшего себя Эвен Решеф; 1787–1874), уроженца г. Луцка на Волыни, известного караимского собирателя рукописей и общественного деятеля. А. Фиркович был первым, кто прибыл на Восточный Кавказ с целью собрать исторические свидетельства о прошлом местных евреев⁸. А. Фиркович дважды посетил Северный и Восточный Кавказ, в 1840 и 1849–1850 гг., и его поездки, особенно первая, на наш взгляд, существенно изменили представления восточно-кавказских евреев о себе.

Но, как ни странно, влияние, которое оказал А. Фиркович на местных евреев, не удостоилось внимания исследователей, изучающих еврейство Восточного Кавказа. Между тем, его записи содержат много ценной информации как о евреях, так и о других горских народах Северного и Восточного Кавказа середины XIX в.⁹ Но путешествия А. Фирковича на Кавказ представляют интерес для ученых не только потому, что обогащают фактическими сведениями, но также и потому, что они проясняют идеологию концепции самого А. Фирковича по отношению ко всему, что связано с идентичностью и прошлым горских евреев и крымских караимов.

Вопреки до сих пор распространенному мнению, А. Фиркович никогда не настаивал на ином происхождении караимов Крыма и Восточной Европы как от племен Иудейского царства. Он никогда не утверждал, что они потомки северных израильских племен (Десяти потерянных колен) или

принявших иудаизм хазар, и что вера караимов отлична от иудаизма. Так, для него караимство – наиболее последовательное выражение Священного Писания, которого придерживалось явное меньшинство религиозных евреев, в отличие от большинства «заблуждавшихся», принявших раввинистический иудаизм, подвергшийся разрушительному влиянию «чуждых верований». А. Фиркович считал, что этим евреи-раввинисты подвергают опасности караимов, так как некомпетентные неевреи могут приписать отрицательные черты раввинистов также тем «сынам Израиля, которые сохраняют библейскую веру в ее первоначальной чистоте» (излюбленное выражение А. Фирковича в его русскоязычных публикациях). Для того, чтобы «уберечь» караимов от этой угрозы, А. Фиркович выдвинул свою собственную «концепцию» происхождения крымских караимов.

На наш взгляд, эта «концепция» – прямой результат его первого путешествия на Кавказ. 31 января 1839 г. наместник Новороссии граф М.С. Воронцов через гражданского губернатора Таврической губернии Муромцева отправляет в Караймское духовное управление (только что созданный официальный орган караймской общины) шесть вопросов, названных впоследствии (во Введении к книге А. Фирковича «Авне зиккарон») «вопросами губернатора». Вопросы эти были следующими:

А. От какого народа происходят караймы и откуда они пришли?

Б. Когда они пришли и по какому случаю и делу?

В. Чем они занимаются и как ведут себя?

Г. Были ли среди них или есть сейчас среди них знаменитые и почтенные в их поколениях, известные своими добрыми делами, особенные и выдающиеся?

Д. Существуют ли у них достоверные предания от их предков, которые могли бы доказать древность их религии и веры?

Е. По какой причине и в какое время они отделились от раввинистов и в чем расхождение с последними в вопросах веры¹⁰?

Вовсе не было тайной, что цель этих вопросов – помочь русским властям определить, заслуживают ли крымские караймы благоволения, в отличие от евреев-раввинистов. Еще в конце 1820-х – начале 1830-х годов крымские караймы (в том числе и А. Фиркович) утверждали, что караймы заслуживают благосклонного отношения со стороны властей, потому что «они не испорчены Талмудом, потому что Иисус принадлежал к их направлению, и они занимаются полезными ремеслами, а не паразитируют и обирают народ, подобно раввинистам». В сущности, все эти мотивы, даже тезис о приверженности Иисуса «хорошему иудаизму» (в нашем случае – караимству) вовсе не были чужды и деятелям Гаскалы в Восточной Европе. Последние хотели ограничить влияние Талмуда и хасидизма на жизнь евреев, а также ратовали за изменение структуры занятости евреев в Черте оседлости, а многие из них даже выражали определенную симпатию, по крайней мере к самой фигуре Иисуса, если не к христианству в целом. Другим мотивом в ходатайстве караймов было утверждение, что крымские евреи,

иначе говоря, караимы (поскольку именно они тогда составляли большинство евреев на Крымском полуострове) пользуются особыми правами еще с эпохи татарских ханов, правивших в Крыму (в основном, речь шла о привилегиях, которые даровал им последний хан, реформатор Шахин-Гирей¹¹). Отсюда их правовое положение надлежит сравнивать с положением мусульман Крыма, а не евреев Черты оседлости.

Во всяком случае, в караимской среде «вопросы губернатора» были восприняты, и не без оснований, как источник угрозы правовому статусу караимов. Симха Бабович, лидер крымских караимов и покровитель А. Фирковича, созвал совет, чтобы обсудить, как избежать нависшей над караимами опасности правовых ограничений. А. Фиркович, который в то время был чем-то вроде личного секретаря и воспитателем детей С. Бабовича, сформулировал весьма продуманный план действий, опиравшийся на использовании подходов сторонников Гаскалы из сообщества «Хохмат Исраэль» или «Науки о Еврействе» (*Wissenschaft des Judenthums*), с которыми А. Фирковича ознакомил Бецалель Штерн (1798–1853). Последний был приверженцем Гаскалы из Галиции, переехавшим в Россию и возглавившим модернизированную еврейскую школу в Одессе, которая служила флагманом российской Гаскалы¹².

Среди прочего, план А. Фирковича включал организацию экспедиции для исследования караимских общин в Крыму и за его пределами (включая Кавказ) для поисков Свитков Торы и других древних текстов, а также изучения надгробных надписей. Лидеры караимской общины приняли это предложение А. Фирковича и дали согласие финансировать изучение им истории караимов Крыма (как показывают новые документы, его помощником стал молодой караим, последователь Гаскалы, С. Бейм)¹³. После осенних еврейских праздников 1839 г. они вдвоем отправились на поиски свидетельств о «древних поселениях» крымских караимов. Первая поездка осенью 1839 г. принесла результаты немногочисленные, но сенсационные¹⁴. По-видимому, А. Фиркович торопился представить свои находки властям и одесскому Обществу любителей истории и древностей Российских (далее ООИДР), видимо, за спиной С. Бейма, а также караимских лидеров¹⁵. Вероятно, картина караимского прошлого, которую А. Фиркович хотел создать, была не по вкусу кому-то из караимских лидеров. Спеша обнародовать свои находки, А. Фиркович повел дело так, что его оппоненты среди караимов оказались в ситуации, когда они не могли просто так от него избавиться, не причинив заметного ущерба престижу всей общины. В начале 1840 г. А. Фиркович наладил связи с высшими чинами российской администрации в Крыму и на юге России. Он также пытался сблизиться с известными российскими учеными, жившими в Крыму и в Одессе, и вел себя как ученый-исследователь, в надежде, что его «назначат» официальным историком Крыма. Так, в течение апреля 1840 г. А. Фиркович работал в Евпатории над переводом ярлыков (грамот вольностей), дарованных караимам, на русский язык с турецкого и крымско-татарского, вместе с местным татарским

имамом¹⁶. В результате, краткое описание на русском языке находок А. Фирковича было поручено составить р. Ицхаку Шломо Луцкому из Евпатории, его родственнику, «ибо во всей нашей общине нет знающего русский язык подобно ему». Однако, в этот период лидеры караимской общины, «оскорбленные высокомерием» А. Фирковича, перестали его субсидировать. Это произошло в канун Песаха: «отказали мне представители общины нашей в довольствии... и остался я, вместо надежды на награждение, без источников к существованию, в крайне стесненных обстоятельствах», писал А. Фиркович и просил продлить финансирование еще хотя бы на два месяца¹⁷. Вероятно, это было ему необходимо для того, чтобы представить свои находки ООИДР в законченном виде. А. Фиркович, видимо, чувствовал, что его бурная деятельность стала причиной изоляции внутри караимской общины и что авторитет, которым он пользовался в середине 1820-х и начале 1830-х годов, утрачен¹⁸, поэтому и искал другие возможности. К тому же А. Фиркович знал лучше других, что в Крыму нет никаких свидетельств древности караимских поселений, и весь «древний» материал, который он собрал – не что иное, как творение его собственных рук. Как человеку с развитым историческим и филологическим чутьем, хорошо знавшему караимские собрания книг и рукописей в Восточной Европе, Иерусалиме и Стамбуле, ему, видимо, было ясно, что крымские караимы переселились из Стамбула относительно недавно. А. Фиркович был хорошо знаком с караимами Стамбула, поскольку служил у них на различных должностях в начале 1830-х годов. К стати, после этого некоторые из них стали его личными врагами¹⁹. Более того, возможность связи предков крымских караимов с враждебной России Османской империей едва ли могла обеспечить им «благогосклонное отношение» русских властей.

Глубокие познания в классической караимской литературе заставили А. Фирковича предположить (в определенной мере оправданно), что в Иране и сопредельных регионах он сможет найти интересные историко-литературные материалы. Тем более, что происхождение крымских караимов из Ирана было, в глазах А. Фирковича, не столь политически проблематичным как из Турции. Видимо, уверенность в том, что следует ехать на Кавказ, стала крепнуть у А. Фирковича уже перед его первым путешествием по Крыму осенью 1839 г.²⁰ Очевидно, это было связано с тем резонансом, который произвел в российском научном сообществе академик П. Кеплен. проделавший подобное путешествие на Кавказ ранее. Нужно также не упускать из вида, что А. Фиркович в своих построениях большое внимание уделял мнимому обращению хазар в караимство, а хазарами весьма интересовалось русское просвещенное общество, в том числе и властные покровители А. Фирковича. Таким образом, собираясь на Кавказ, А. Фиркович преследовал сразу три цели: вызвать симпатии высоких чинов российской администрации к себе и своей общине, «возвысить» свою религию и свою общину (поскольку «великий и многочисленный народ хазар» предпочел караимство раввинизму) и, наконец, избавить своих высокопостав-

ленных русских знакомых от чувства исторической обиды, что их предки когда-то были порабощены евреями (такие аллюзии могли появиться у русских читателей «Повести временных лет» в связи с сюжетом о «хазарской дани»). Эти хазарские евреи, разъяснял им А. Фиркович, были другими, экзотическими евреями, восточными, гордыми, древними, осененными величием, как он, а не талмудистами, говорящими на жаргоне Черты оседлости²¹.

Воспользовавшись рекомендацией В.М. Кнежевича, высокопоставленного чиновника Таврической губернии и одного из активных членов ООИДР, который порекомендовал принять А. Фирковича в это Общество как полноправного члена и финансировать его поездку, А. Фиркович отправился на Кавказ. Немаловажно, что впоследствии А. Фиркович передал свои кавказские находки на хранение именно В.М. Кнежевичу. Они хранились в Одессе до того, как в октябре 1862 г. были проданы как «первая коллекция Фирковича»²². Нужно добавить, что с поездкой на Кавказ была связана некоторая организационно-финансовая неопределенность. Караимская община финансировала поиски только еврейских древностей, а древностей вообще – ООИДР; эта двойственность порождала трудноразрешимые проблемы, особенно в том, что касалось финансовых расходов А. Фирковича на Кавказе.

Если за полгода до этого А. Фиркович путешествовал по Крыму в сопровождении молодого караима С. Бейма, то теперь его сопровождал 17-летний юноша Ицхак бен Мордехай Тришкан. Перед тем, как переправиться через Керченский пролив, А. Фиркович искал еврейские древности в Керчи²³, пользуясь помощью И. Тришкана и его отца. Затем он высадился в Тамани около средневековой Тьмутаракани, которая позже займет центральное место в его «концепции». Однако, начальный этап путешествия не оправдал его надежд. Стоит, впрочем, отметить встречу А. Фирковича с ссыльными «жидовствующими субботниками». Эти субботники уже наладили связи с караимским лидером Мордехаем Султанским и учились у него²⁴. В Кизляре он нашел еврейских торговцев из Эндери (в прошлом важного торгового центра на чеченско-дагестанской границе), которые знали кумыкский язык, и они направили А. Фирковича в Дагестан²⁵. Не следует забывать, что в тот период на Кавказе велись активные боевые действия между российскими войсками и горцами. Мюриды Шамиля жестоко преследовали евреев и чеченцев-язычников, убивали их или насильственно обращали в ислам, так что путешествие А. Фирковича и молодого И. Тришкана было далеко небезопасным.

А. Фиркович прибыл в Дербент через «Врата Сорока (шахидов)», по-тюркски «Кырклар капысь», и название этих ворот напомнило ему древнее тюркское название Чуфут-Кале: Кыркийер или Кырклар. Так, судя по всему, в его сознании укрепились связи между Крымом и Кавказом. А. Фиркович опасался действовать так, как за год до этого в Карасубазаре в Крыму, где он с помощью полиции отбирал у крымчаков-раввинистов их старинные кни-

ги. Поэтому А. Фиркович установил тесные отношения с местным раввином Элияху бен Мишаэлем Мизрахи и организовал с помощью полиции раскопки, пользуясь «Открытым листом». Нужно отметить, что А. Фиркович прибыл в Дербент в тот момент, когда между членами местной еврейской общины и их раввином Элияху бен Мишаэлем Мизрахи имел место острый конфликт²⁶. Элияху бен Мишаэль Мизрахи (1781–1848), чей дед Биньямин переселился на Кавказ из Персии²⁷, унаследовал свой пост раввина Дербента от р. Бенаяху. Уже в начале XIX в. он стал преподавать Раши и Мишну. Элияху бен Мишаэль также собирал литературу по Галахе, стараясь искоренить местные обычаи и привить своей общине основы нормативного сефардского раввинистического иудаизма. Небезынтересно, что р. Элияху бен Мишаэль вступил в контакт с хасидским цадиком р. Исраэлем из Ружина, и в 1820-е годы посылал учеников в *иешиву* в Белую Церковь. Элияху бен Мишаэль также пригласил из Персии две семьи *коэнов* (поскольку в его общине не было коэнов и левитов) и охотно принимал сборщиков пожертвований из еврейских общин Палестины (в том числе одного из них – во время пребывания А. Фирковича в Дагестане). Кстати, А. Фиркович указывает²⁸, а пример р. Элияху это подтверждает, что, по словам евреев Дербента, у них были книги раввинистических *поским*, Мишна и Талмуд. Однако, горские евреи не знали многих обрядов, принятых в нормативном раввинистическом иудаизме, как, впрочем, и в караимстве. Они, в частности, соблюдали некоторые древние традиции, такие как левиратный брак и обряд откупа от левиратного брака, которые были отменены в остальных еврейских общинах. Их традиции отличались также в отношении *кашрута*, брака и развода²⁹.

А. Фиркович, превосходно знавший еврейскую литературу, в том числе и раввинистическую, встал на сторону р. Элияху Мизрахи против тех консервативных членов общины, которые не являлись, по его словам, «ни настоящими раббанитами, ни караимами»³⁰. Судя по всему, А. Фиркович опасался, что в глазах российской общественности и властей ненормативный характер кавказского иудаизма опровергал утверждение его, как и других караимских лидеров, о существовании в иудаизме лишь двух течений – караимского, сохранившего в чистоте библейскую религию, и «раббанитско-талмудического», являвшегося ее испорченным вариантом. Поскольку существование иных форм иудаизма могло быть воспринято властями как свидетельство того, что караимство – лишь одно из течений иудаизма, то возникала потенциальная опасность, что караимство будет определено не как отдельная религия, но как еще одно течение иудаизма, наряду с хасидами, *миснагедами*, *маскилами* и горскими евреями.

Раввин Элияху Мизрахи также был заинтересован в том, чтобы доказать своим консервативным противникам, что их традиционный местный иудаизм не имеет права на существование, так как есть нормативный раввинистический иудаизм, как в его сефардском, так и в ашкеназском вариантах, а также караимство его крымского гостя. А. Фиркович и р. Элияху Миз-

рахи пытались, и не без успеха, внушить евреям Дербента и окрестностей, что они должны принять либо караимские нормы, представленные А. Фирковичем, либо требования р. Элияху Мизрахи, но ни в коем случае не оставаться в рамках своего ненормативного иудаизма. Следует также помнить, что для А. Фирковича сам переход в раввинистический иудаизм не представлял религиозной или политической проблемы, ибо, согласно его концепции и мнению его караимских предшественников, уменьшение численности караимов в средневековом мире было обусловлено «раббанитской экспансией». Таким образом, приобщение горских евреев к раввинистическому иудаизму подтверждало его гипотезу о караимском прошлом евреев Кавказа и Крыма.

Поддержка А. Фирковича, который, будучи караимом, позиционировал себя нейтральной стороной, объективно укрепляла позиции р. Элияху Мизрахи. Сам р. Элияху Мизрахи хотел, воспользовавшись помощью А. Фирковича и его связями с властями, заставить противившихся членов общины принять нормы раввинистического иудаизма, в частности, ношение малого и большого *цицита*, наложение *тефиллин*, законы семи дней очищения для женщин и другие. Так, именно по настоянию р. Элияху Мизрахи А. Фиркович использовал горских евреев как чернорабочих во время своих археологических раскопок у Дербентской стены. В свою очередь, во Введении к «Авне зиккарон» А. Фиркович отмечал: «Я намереваюсь проверить: может быть они, страдая от той непосильной работы, – раскапывая груды развалин под землей и вытаскивая с большой глубины землю и камни на плечах», – которую их заставляют выполнять, чтобы принудить носить таллит и накладывать тефиллин, скажут: «мы не можем этого делать. потому что мы караимы, а не раббаниты, и наши отцы никогда не следовали раббанитскому учению»; далее А. Фиркович поясняет: «и притом, поскольку я угождаю рабби Элияху, заставляя их исполнять обряд раббанитов, он также удовлетворит мое желание и покажет мне древности, спрятанные в синагоге, бейт-мидраше и остальных местах как в Дербенте, так и в другой общине, потому что только ему известно все». Действительно, в знак благодарности р. Элияху Мизрахи дал своему караимскому гостю возможность ознакомиться с общинными книгами³¹. По версии А. Фирковича, именно это позволило ему в конце древнего Свитка Торы из оленьей кожи «найти» колофон, который стал позднее известен как «Дербентский документ». «Дербентский документ» был написан с использованием той самой «вавилонской системы огласовок» первых двух строк, которую А. Фиркович впервые «нашел», за год до этого в Крыму³². На наш взгляд, неслучайно «автором» колофона «оказался» некий Иехуда Мизрахи из Персии. Быть может, тем самым А. Фиркович хотел обеспечить дербентского раввина приличной родословной?

«Дербентский документ» заканчивается сообщением, что автором этого текста, составленного примерно в 580 г. в царствование «Косдори/Косроди» (т.е. Хосрова I Ануширвана³³), был «Иехуда бен Моше ха-Накдан

Мизрахи бен Иехуда ха-Гиббор из колена Нафтали, рода ха-Шалми, из числа изгнанников Самарии», который видел «общины сынов Израиля, среди общин Крыма в поселениях, где обитали потомки израильтян и иудеев, изгнанных из Иерусалима, которые из своих городов пришли на помощь братьям во время осады Самарии; во главе их стоял Гедалия сын царя Ахаза... Салманассар захватил их в плен еще до взятия Самарии и изгнал в города Мидии, чтобы отдалить от их братьев, там они находились вплоть до воцарения Камбиса сына Кореша (Кира)»; затем этих евреев Камбис переселил на Крымский полуостров³⁴. В «Авне зиккарон»³⁵ А. Фиркович крайне туманно излагает обстоятельства обнаружения «Дербентского документа», во всяком случае, его версия отличается от того, что сообщили евреи Дербента, поспешившие сразу после публикации этого колофона послать опровержение:

Каждый день и каждую ночь он ходил в синагогу, а мы не знали, что замышляет коварное, а через месяц он сказал, что в синагоге есть один Свиток Торы, старый, а в конце его древняя запись... И мы сказали, что не видели в Свитке Торы записи, ты ее написал... В нашем Свитке Торы не было никакой записи, а мы, однако же, выяснили, что [это] он сам написал...³⁶

Накануне праздника Рош-ха-Шана А. Фиркович освободил дербентских евреев от проведения раскопок, убедившись, что так и не смог навязать им свою волю. Он хотел провести Рош-ха-Шана вместе с общиной (и, как видно из его записей, был вынужден проделать для этого небольшой галахический трюк, так как караимский календарь не соответствует раввинистическому). Небезынтересно также, что в начале праздника Суккот в Дербент пришло около пятисот русских субботников, освободившихся из ссылки в Сибири и переселявшихся на Кавказ и А. Фиркович во всех подробностях описал встречу с ними. В начале месяца хешвана (в конце октября) А. Фиркович и И. Тришкан отправились в расположенный неподалеку аул Маджаллис, однако в предисловии к «Авне зиккарон» Фиркович не рассказывает, по какой причине и с какой целью. Евреи Маджаллиса были, как гласило их предание, потомками беженцев из Джухуд-Гатта (Еврейского ущелья). Как и в Дербенте, в Маджаллисе А. Фиркович поддерживал сторонников раввинизма среди общинной верхушки и убеждал их оппонентов принять основы «раббанитской галахи»³⁷. Через несколько дней пребывания в Маджаллисе он обнаружил написанный на коже текст, который представлял собой копию «Дербентского документа». Этот текст впоследствии стал известен как «Маджаллисский документ», который также превратился в краеугольный камень «концепции» А. Фирковича о происхождении крымских караимов³⁸. Его якобы нашел маджалисский еврей «Абайя бен Эфраим, пытаясь в третий раз найти в южной стене синагоги то, что спрятал р. Ханукка бен р. Хаим за несколько десятилетий до этого, во время ее строительства»³⁹. Это был рассказ о «Путешествиях Иехуды ха-Маггига бен Моше ха-Накдана Мизрахи», с добавлениями Авраама бен Симхи ха-Сефаради (Авраама Керченс-

кого) «Из города Сефарада в царство наших праведных братьев хазар» в 986 г.⁴⁰ Переписчик Йешуа бен Элия, знаток Торы, переписал этот текст в 1513 г.⁴¹ недалеко от Дербента. «Маджалисский документ» должен был послужить подтверждением «Дербентского документа»⁴², расширить представления об имевших место событиях, а также доказать историческую преемственность и непрерывность присутствия евреев в Крыму, начиная с периода Второго Храма⁴³, весь эллинистический период (о существовании на Боспоре эллинизированных еврейских общин, оставивших надписи на греческом языке, А. Фирковичу стало известно не позднее 1840 г.⁴⁴), и заканчивая эпохой позднего Средневековья. «Маджалисский документ» представил и доказательства того, что караимы изобрели огласовку и знаки кантилляции⁴⁵, – факт вроде бы верный, – однако в нашем случае речь идет не о борьбе за первенство, а о стремлении доказать русским властям, что текст Еврейской Библии, которым пользуются караимы, – подлинный, и что к караимам нельзя предъявлять те же претензии, что и к раввинистам. «Маджалисский документ» также подтверждал принятие хазарами нераввинистического иудаизма; он доказывал, что и евреи Восточного Кавказа (т.е. горские евреи) когда-то были караимами⁴⁶ (нечто подобное А. Фиркович утверждал и по поводу крымчаков-раввинистов). «Маджалисский документ» намекал и на происхождение евреев Ирана и Кавказа от Десяти колен⁴⁷; он также должен был стать важным источником по истории России, что так интересовало влиятельных лиц из ООИДР, хотя анахроничная дата (986 г.) в «Маджалисском документе» была взята из Повести Временных Лет, а там, как известно, она ошибочна⁴⁸.

Согласно А. Фирковичу, у древних «сынов Писания», живших в Крыму и на Кавказе, была религия не караимская и не раввинистическая, но «истинно-библейская». А. Фиркович никогда не утверждал, что караимско-ананитская религия тайно существовала с периода Первого Храма и вплоть до ее открытого провозглашения р. Ананом бен Давидом и его сторонниками в VIII в. А. Фиркович, посетивший общины, которые не были ни раввинистическими в полном смысле этого слова (видимо, именно северокавказское еврейство вдохновляло его), ни караимскими, понимал, что новые учения распространялись среди евреев в результате пропаганды и миграций, и теория о чисто библейской религии была создана им не для того, чтобы подчеркнуть древность караимства, а для того, чтобы опровергнуть утверждение, что на каком-то этапе караимы откололись от раввинистов.

Именно поэтому, по версии А. Фирковича, предки караимов Крыма и евреев Кавказа исповедовали в различных регионах неоттоманского, а потому и не угрожавшего Российской империи Востока, чисто библейскую религию, и лишь впоследствии к ним пришли миссионеры, как караимы, так и раввинисты. Также, согласно А. Фирковичу, в начале XVI в., т.е. в тот период, когда был скопирован «Маджалисский документ», из Персии в Крым прибыл великий реформатор крымского караимства, некто Синан-бей.

Фигура этого Синан-бея служила прежде всего для того, чтобы подчеркнуть «аджамское» (персидское, иранское), а не «стамбульское» прошлое крымских караимов. На наш взгляд, прототипом Синан-Бея для А. Фирковича был некий караимский мудрец, действительно приехавший в Крым из Константинополя⁴⁹.

23 хешвана (четверг, недельная глава «Хайсей Сара») А. Фиркович пишет из Дербента в Крым С. Бабовичу о находке рукописи в Маджалисе. То есть ему понадобилось почти две недели, чтобы известить своего покровителя об этом громком открытии⁵⁰. В письме А. Фиркович долго объясняет, что он не напрасно расходовал деньги крымских караимов, финансировавших его поездку на Кавказ, указывая, что они с И. Тришканом нашли в Маджалисе две записи, которые «станут двумя укрепленными стенами для всех наших братьев, сынов Израиля... с их помощью можно укрыться от обвинений в кровопролитии, а понимающему достаточно». Иными словами, А. Фиркович имеет в виду, что эти тексты смогут опровергнуть утверждение, что караимы участвовали в пролитии крови Иисуса. И далее: «другая польза ... так сделает Господь и так еще больше преуспеет в этом изгнании, изгнанников Иерусалима, которые в Сефараде со времен пророка Овадии, захотят найти милость в глазах его Величества царя и его министров... и не вернутся ваши сосуды пустыми...» (курсив мой – Д. Ш.; намек как раз на то, что деньги, ассигнованные на его поездки караимами, потрачены не напрасно).

Примерно в это же время А. Фиркович пытается убедить горских евреев, что они – изгнанники эпохи Первого Храма, и что те древние тексты, которые он обнаружил в Дербенте и Маджалисе, принесут им практическую пользу:

«Вы из изгнанников Самарии и из плена эпохи Первого Храма, вы ушли в Персию, а оттуда в государства и города Мидии... и когда станет всем известно, что вы не из изгнанников эпохи Второго Храма, а из первых пленений, вас возлюбят все христиане, потому что ваши отцы не были замешаны в раздорах и распрях эпохи Второго Храма, и вас будут считать древними сынами Израиля... и вы найдете милость в глазах русского государства» (курсив мой – Д. Ш.)⁵¹.

Параллельно А. Фиркович встречался с представителями разных религий и пытался почерпнуть от них сведения, которые бы соответствовали его хронологической реконструкции⁵².

В начале месяца кислев (в конце ноября) А. Фиркович занимался переводом на татарский язык книги С. Луцкого «Спасение Израиля» и пользовался помощью некоего р. Иехезкеля, который перевел на язык горских евреев учебник иврита, написанный А. Фирковичем на русском и татарском языках. В пятницу 16 кислева (29 ноября) А. Фиркович взял с собой дербентский Свиток Торы с колофоном («Дербентский Документ») и во вторник 20 кислева (3 декабря), покинул Дербент. В Евпаторию А. Фиркович вернулся в канун Пурима 1841 г.

Через две недели после возвращения А. Фирковича С. Бейм, сопровождавший его в первой поездке по Крыму в 1839 г., послал в Европу письма, в которых сообщал о сенсационных находках своего старшего коллеги на Кавказе. Сам А. Фиркович после возвращения в Евпаторию трудился над подготовкой отчета для ООИДР. Видимо с этим было связано письмо от 8 июня 1841 г., в котором А. Фиркович и И. Тришкан обратились в ООИДР с просьбой получить назад Пятикнижие и сочинение на пергаменте⁵³. Речь идет, видимо, о «Дербентском» и «Маджалисском» документах. Впрочем, один из черновиков отчета для ООИДР о завершении поездки на Кавказ, был написан им еще 10 февраля 1841 г.⁵⁴

В последующие годы А. Фиркович «проводит много времени» на кладбищах Чуфут-Кале и Мангупа, а в 1849–1850 гг. он во второй раз поехал на Кавказ. Эту поездку финансировал граф М.С. Воронцов, тогдашний наместник Кавказа⁵⁵. Следует отметить, что перед тем, как А. Фиркович вновь отправился на Кавказ, С. Бабович получил от М.С. Воронцова отказ в просьбе присвоить А. Фирковичу почетный статус «потомственного гражданина»⁵⁶. Во втором путешествии на Кавказ А. Фирковича сопровождали его зять Гавриэль Фиркович, ставший доверенным лицом, а также Александр Тархов, студент Санкт-Петербургского университета, знавший греческий, а потому способный помочь в исследовании эллинистических и византийских текстов и надписей.

8 мая 1849 г. А. Фиркович, Г. Фиркович и А. Тархов пересекли Керченский пролив. Однако, вопреки ожиданиям, результаты первого этапа путешествия для А. Фирковича были весьма скромны. Он мог похвастаться лишь несколькими находками эпиграфики на греческом и арабском языках, монетами, а также фрагментами одного Свитка Торы (но, что характерно, с датой «по нашему изгнанию»)⁵⁷. Впрочем, летом трое исследователей обнаружили курган и древние поселения рядом со станицей Зеленчукской, а также недалеко от Теберды «аланскую надпись», выполненную греческими буквами⁵⁸.

Судя по всему, А. Фиркович не спешил в Дербент, с которым у него были связаны далеко не самые приятные воспоминания, тем более что его друг р. Элияху Мизрахи скончался в 1848 г. Примерно на полгода А. Фиркович и его спутники поселились в Нальчике, укрепленной русской крепости в Кабарде, рядом с которой незадолго до этого возник поселок евреев, переселенцев из Дагестана⁵⁹. Периодически путешественники отправлялись в близлежащие горы и ущелья в поисках древностей. Помимо прочего, А. Фиркович нашел там надпись на арабском языке 397 г. Хиджры (930 г. н. э.)⁶⁰. Стоит также отметить, что он ознакомился с впоследствии знаменитой рукописной Торой X в., хранившейся в церкви села Лаилаши в Сванетии (отдаленном и самобытном регионе в горах Грузии), и составил (на иврите и на русском) черновик описания местных обычаев (формально христианских), связанных с почитанием этой Торы⁶¹.

Однако вечером после Нового (1850) года вооруженный человек (по мнению А. Фирковича, А. Тархов) совершил на него покушение. А. Фирко-

вич пережил сильнейший шок, слег и весной отправился «на лечебные воды», где находился до лета 1850 г. В сентябре он был вынужден вернуться в Крым. После возвращения А. Фиркович проводил изыскания на средневековом еврейском кладбище в Феодосии вместе с Нахаму Бабакаем и двумя могильщиками. Им были найдены там «две древние плиты, ... старейшины общины, впрочем, сообщили, что несколько таких древних плит было взято для строительства карантинного дома и гостиницы»⁶². Для того, чтобы доказать С. Бабовичу, что путешествие было все же не напрасным, А. Фиркович переправил свои находки в Гюзель-Бахче, усадьбу своего покровителя, после чего их следы затерялись. В личном архиве А. Фирковича в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (Ф. 946. Оп. 1. № 81) хранятся его бумаги, относящиеся ко второму посещению Кавказа.

Второе путешествие А. Фирковича на Кавказ действительно оказалось неудачным. Но два документа, найденные им во время посещения в 1840 г. Дербента и Маджалиса, стали краеугольным камнем в построении его собственной версии истории крымских караимов. Это также побудило евреев Восточного Кавказа апеллировать к властям и укреплять связи с российскими ашкеназами-раввинистами, оспаривая подлинность находок А. Фирковича. В результате, на наш взгляд, именно А. Фиркович косвенно и непреднамеренно внес вклад в приобщение горских евреев к нормативному раввинистическому иудаизму⁶³.

Приложение

Исследователи справедливо обращали внимание на то, что исходящие от А. Фирковича сведения о происхождении кавказских евреев от Десяти колен весьма сомнительны. Однако следует иметь в виду, что и помимо А. Фирковича зафиксированы предания, согласно которым евреи появились в Дагестане и Северном Азербайджане после Ассирийского изгнания. Эти предания приводили Й. Черный, А. Барсов, В. Миллер, Б. Миллер и др. В науке есть тенденция видеть в подобных преданиях фольклорный материал, который, возможно, отражает какую-то смутную историческую традицию⁶⁴. По мнению М. Альтшулера, А. Фиркович хотел укрепить традиции, уже существовавшие у евреев Дагестана, когда говорил им:

Вы из изгнанников Самарии и из плена эпохи Первого Храма, вы ушли в Персию, а оттуда в государства и города Мидии... и когда станет всем известно, что вы не из изгнанников эпохи Второго Храма, а из первых двух пленений, вас возлюбят все христиане, потому что ваши отцы не были замешаны в раздорах и распрях эпохи Второго Храма, и вас будут считать древними сынами Израиля... и вы найдете милость в глазах русского государства⁶⁵.

Однако, на наш взгляд, приведенное выше свидетельство убеждает, что слова А. Фирковича следует понимать не как стремление укрепить уже бытовавшие среди горских евреев исторические предания, но как попытку повлиять на них, введя подобные предания в качественно иной исторический контекст. Если мы рассмотрим предания о появлении евреев на Восточном Кавказе в контексте легенд об изгнании в Ассирийский плен Десяти колен, то увидим, что не кто иной, как А. Фиркович, первым озвучил подобные сведения. Фиксированные впоследствии предания такого рода, на наш взгляд, были по сути лишь отражением как раз усилий именно А. Фирковича.

В 1870 г., когда готовилась к печати книга А. Фирковича «Авне зиккарон», где он описывал, в том числе, свою первую экспедицию на Кавказ, в ивритоязычной прессе началась полемика вокруг вопроса, являются ли горские евреи потомками Десяти колен⁶⁶. Проблема затрагивалась тогда в очень узком кругу маскилов, среди которых выделялся Й. Черный, с начала 1860-х годов целенаправленно интересовавшийся кавказскими евреями. Отметим, что приводимые Й. Черным сведения о происхождении горских евреев от евреев из Иерусалима времен Первого Храма или от потерянных Десяти колен, удивляют своей малочисленностью, особенно если принять во внимание то «информационное пространство», в котором он оказался, путешествуя по Восточному Кавказу⁶⁷. Обсуждая эту проблему, необходимо указать также на информацию о находке горскими евреями в Джухуд-Гатта (Южный Дагестан), в 1872 г. надгробья р. Анины⁶⁸. На надгробии была эпитафия, согласно которой р. Анина умер «в 279 г. после Галют Сафарат». Надгробие будто бы вновь засыпали землей. По рассказам местных горских евреев, упоминание в этой эпитафии Сафарата связано с тем, что он возглавил евреев, которые были изгнаны из Вавилона (Багдада) 602 г. назад (то есть в начале монгольской эпохи!), и поэтому летоисчисление ведется от Галют Сафарат (то есть от Изгнания Сафарата). Эта история, будучи приведенной почти дословно, была вновь опубликована в 1892 г. В. Миллером⁶⁹, который при написании своей книги пользовался консультациями не кого иного, как Даниила Хвольсона⁷⁰. На наш взгляд, предание, опубликованное А. Барсовым, а вслед за ним и В. Миллером, это, видимо, результат общения горских евреев с А. Фирковичем, а также влияния его книги «Авне зиккарон», опубликованной именно в 1872 г. Что же касается самого А. Фирковича, то «Изгнание в Сефарад» играло в его концепции вполне определенную роль, поскольку ему было известно замечание Иеронима о том, что евреи были изгнаны в bsprd («в Сефарад»). Но А. Фиркович трактовал bsprd как Bosphoros, т.е. черноморский Боспор. Однако, в любом случае, это не имело никакого отношения к Дагестану. Отмечу, впрочем, что иранско-арабское слово safarat может быть истолковано и как «перемещение», «переселение».

В 1929 г. известный советский иранист Б. Миллер, сын В. Миллера, отмечал распространенное среди горских евреев предание, что они были изгнаны на Кавказ ассирийскими царями⁷¹. Б. Миллер приводит также рас-

сказ некоего р. Рахима о переселении евреев из Багдада во времена Ахашвероша в страну Кызылбаш (то есть Сефевидский Иран) и в Шемаху, где они страдали от ханов. По словам р. Рахима, это предание имеется в текстах неизвестных авторов, хранившихся в синагоге Варташена. По мнению Б. Миллера, эти тексты написаны «50 лет назад», то есть в 1870-х годах (уже после публикации «Авне зиккарон»).

Итак, как показывает анализ источников о происхождении горских евреев от потерянных Десяти колен, все они в конечном итоге восходят к Аврааму Фирковичу. Это позволяет предположить, что между исследователями горских евреев и их информантами со второй половины XIX в. имел место взаимный информационный обмен: информанты пересказывали исследователям сведения, которые ранее они слышали от А. Фирковича или почерпнули из русскоязычной и ивритоязычной периодики, где приводились предания, которые, как было показано выше, также восходили к А. Фирковичу.

Примечания

- ¹ *Shapira D. Armenian and Georgian Sources on the Khazars: A Re-Evaluation // Proceedings of the First International Khazar Colloquium, Vol. I (in press).*
- ² Отмечу, что первым, кто употребил выражение «воинствующий Израиль», был В.И. Немирович-Данченко (см.: *Немирович-Данченко В.И. Воинствующий Израиль*. СПб., 1880). Особая тема – это восприятие вооруженного и гордого горского еврея и даже «поднятие его на щит» в ашкеназском, и более того, сионистском дискурсе конца XIX – начала XX в.
- ³ Так, в XIV в. на пути из Южного Азербайджана на Кавказ существовала ираноязычная еврейская община к югу от озера Севан. см.: *Amit D., Stone M. Report of the Survey of a Medieval Jewish Cemetery in Eghegis, Vayots Dzor Region, Armenia // Journal of Jewish Studies*. 2002. Vol. LIII. № 1. P. 66–100.
- ⁴ Новейший обзор современного языка горских евреев см.: *Назарова Е.М. Язык горских евреев Дагестана // Вестник Еврейского Университета в Москве*. 1996. № 3. С. 120–146.
- ⁵ *Альтшулер М. Евреи Восточного Кавказа, Иерусалим, 1990. С. 59 (на иврите).*
- ⁶ Там же. С. 44.
- ⁷ Там же. С. 312. См. также далее в тексте.
- ⁸ Там же. С. 19.
- ⁹ М. Альтшулер в своей монографии «Евреи Восточного Кавказа» пользуется материалами А. Фирковича о кавказских евреях, но не дает их критического анализа. О сведениях А. Фирковича как историческом источнике см.: *Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана, М., 1998. С. 346–347, 490 (прим. 47), там цитирован «Авне зиккарон»*

- (Памятные камни) А. Фирковича. Вильна, 1872. Введение. С. 102–104 (на иврите). О некоторых из многочисленных контактов А. Фирковича с представителями разных нееврейских общин Кавказа см.: *Shapira D. A Karaite from Wolhynia Meets a Zoroastrian from Baku. // Iran & Caucasus V. 2001. № 5. P. 105–106.*
- ¹⁰ Авне зиккарон. Введение. С. 8. Другая версия «вопросов» приведена в совместной публикации на иврите А. Фирковича и И. Тришкана «Межделисский документ», выпущенной в 1845 г. в Стамбуле: «А. В какое время произошел раскол караимов и раббанитов на два направления; Б. Каково различие в обычаях между караимами и раббанитами; В. Есть ли у них знание или предание о том, из какого они рода или колена; Г. В какое время; Д. По какой причине они стали селиться на Крымском полуострове; Е. Находились ли в общине караимов люди знаменитые и достойные, что предводительствовали сынами этого (их) народа, что вводили особые установления».
- ¹¹ Ахизер Г. События, случившиеся в Крыму в период правления хана Шахин-Гирея: историческая хроника XVIII в., написанная караимом р. Азарией бен Элия. Магистерская диссертация. Еврейский Университет в Иерусалиме, 2000 (на иврите).
- ¹² Б. Штерн, как известно, был деятельным участником государственных комиссий по вопросам еврейского просвещения, и играл важную роль в формировании политики российских властей в отношении различных социальных групп евреев. Лишь двумя годами ранее, в 1837 г., его школа удостоилась визита Николая I, на которого увиденное произвело благоприятное впечатление. У А. Фирковича были очень доверительные отношения с Б. Штерном, с которым он планировал совместные издательские проекты (ОР РНБ, Ф. 946. Оп. 1. № 27). О том, как Б. Штерн участвовал в подтверждении подлинности открытий А. Фирковича после его возвращения из первого путешествия по Кавказу, см.: Предисловие к кн.: Исследования одной караимской общины. Отчет экспедиции института им. Ицхака Бен Цви на еврейско-караимском кладбище в Чуфут-Кале (Крым), под ред. Д. Шапира. Иерусалим (в печати, на иврите). И после смерти Б. Штерна А. Фиркович смог сохранить тесные контакты с одесскими *маскилами* и чиновниками.
- ¹³ Белый О.Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма // Материалы Восьмой Международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000, С. 319–322.
- ¹⁴ Подробнее см.: Исследования одной караимской общины. Предисловие.
- ¹⁵ Так уже 18 тевета А. Фиркович писал Б. Штерну в Одессу, информируя его о своих находках.
- ¹⁶ Фиркович А. Авне зиккарон. Введение. С. 36. В 1842 г. Симха Бабович ссылаясь на эти ярлыки, когда обращался к властям. См: Белый О.Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины Крыма в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского Караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей. Симферополь, 1996. Т. 2. С. 110. Этот материал позднее был опубликован. См.: Фиркович А.С. О происхождении секты караимов; О дарованных им в разные времена и разными правительствами преимуществ, и о льготах ныне ими испрашиваемых. СПб., 1859, а также Фиркович З. Сборник старинных грамот и узаконений Российской Империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890.

- ¹⁷ *Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839–1872) // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersburg, 1876. Vol. VIIe, série XXIV. № 1. S. 208–209.*
- ¹⁸ Об этих периодах его жизни см.: *Шанира Д. Авраам Фиркович в Луцке: ранние годы // Proceedings of the 13th World Congress of Jewish Studies. Jerusalem (на иврите, в печати), Shapira D., Abraham Firkowicz in Istanbul, (1830–1832): Paving the Way for Turkic Nationalism. Ankara, 2003.*
- ¹⁹ *Shapira D. Указ. соч.*
- ²⁰ После смерти А. Фирковича было опубликовано письмо (см., например: *Дейнард Э. Масса Крым. Варшава, 1878 (на иврите), С. 20–39; Strack H.L. A. Firkowitsch und seine Entdeckungen. Ein Grabstein der Hebräischen Grabschriften der Krim. Leipzig, 1876. S. 18, 27; cp.: Strack H.L. A. Firkowitsch und der Werth seiner Entdeckungen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 34 (1880). S. 165, которое А. Фиркович якобы послал С. Бабовичу по поводу того самого заседания, которое было создано, чтобы обсудить «вопросы губернатора», и которое содержало его подробный план изучения истории караимов Крыма. Письмо попало к Э. Дейнарду через меламеда крымчаков Моше Валида. Остается сожалеть, что, кроме короткого отрывка в несколько строк, письмо опубликовано не в оригинале, а в переводе на иврит Э. Дейнардом и на немецкий Х. Штраком и А. Гаркави. Из письма следует, что у А. Фирковича уже тогда вполне сложилась его концепция истории караимов. Также из письма видно, что А. Фиркович был давно знаком с Б. Штерном, который двумя годами позднее сыграл важную роль в исследовании кладбища в Чуфут-Кале, что в отношениях между А. Фирковичем и С. Луцким царила напряженности; что А. Фиркович опасался, как бы «государь не подумал, что караимы – это самаритяне или хазары»; что А. Фиркович активно опирался на «Сефер Кузари» И. Галеви и связанные с ней вторичные источники (такие, как предисловие к «Сефер Аддэрет» р. Элияху Башячи, как указал нам профессор Хаггай бен Шаммай); А. Фиркович также был уверен, что свидетельства нужно искать на Кавказе и в Иране. Д. Хвольсон, например, отрицал в 1882 г. подлинность этого письма, потому что тогда он уже придерживался той точки зрения, что А. Фиркович был не более чем корыстолюбивым невеждой, и, соответственно, не руководствовался идеологическими мотивами, которые явно присутствуют в рассматриваемом письме. Однако я уверен, что письмо подлинное; даже если его переводчик или Э. Дейнард, опубликовавший этот перевод на иврит, что-то добавили или изменили (хотя тому нет свидетельств), многие детали, вне всякого сомнения, подлинны. Кстати, в 1880-е г. Э. Дейнард в США выставлял оригинал этого письма на аукционе с начальной ценой в 10 долларов. Что же касается миграций евреев с Кавказа в Крым, в этом нет ничего невозможного, поскольку у крымских ханов существовали достаточно тесные контакты с Дагестаном.*
- ²¹ А. Фиркович заинтересовался хазарами уже в 1835 г. Это следует из эмendaции, которую он сделал, когда опубликовал «Сефер ха-Ошер» караима Якова бен Реувена, потому что стремился подчеркнуть именно караимско-хазарские связи. Текст, опубликованный А. Фирковичем (лист 12а Иезекииля), выглядит так: «И уже сказал Захария: «И сел *мамзер (mmzr)* в Ашдоде», намекая на *чужаков (hzrym)*, пришедших в дом (*bbyr*) Господень в изгнании». А вот текст рукописи: «И уже сказал Захария: «И сел *мамзер (mmzr)* в Ашдо-

- де», намекая на хазар (*hkrzym*), пришедших в религию (*bdī*) Господа в изгнании, и однако все они из одной (другой?) страны и при этом не несли ярма изгнания, потому что могущественны, у них есть царство и власть, и они не платят налогов народам». См.: *Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim*, mitgeteilt von Abraham Firkowitsch (1839–1872), S. 276; *Harkavy A. Karäische Deutung des Wortes ממוך* // *Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums*. 1882. Bd. 31. S. 170–172; *Ankari Z. The Karaites of Byzantium*. N. Y.; Jerusalem, 1959. P. 71 и прим. 38; добавим, что А. Фиркович превратил византийского еврея Якова бен Реувена в человека, жившего в Керчи, в Крыму. См. о нем: [Шатура Д.] Яков бен Реувен // *Краткая Еврейская Энциклопедия*. Иерусалим. 2001. Т. X. С. 885.
- ²² Васильева О.В. «Одесское Собрание» Авраама Фирковича // *Восточный Сборник*. СПб., 2003. Вып. 6. С. 12–35; *Vasilyeva O.V. The Firkovich Odessa Collection. the History of its Acquisition and Research, Present Condition and Historical Value* // *Studia Orientalia*. 2003. № 95. P. 45–53.
- ²³ См.: ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 24 ... караимская община Керчи обязуется содействовать А. Фирковичу в обнаружении древностей (1840).
- ²⁴ Видимо, для этих субботников А. Фиркович подготовил в 1830-х годах перевод караимской молитвы на иврит, тюркский и русский еврейской графикой (ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 965). Свидетельство Фирковича об этих субботниках имеет большое историческое значение. В течение XIX в. часть их осталась субботниками, другие стали *герами*, (см. о них: *Дымин В.* Этнографическое описание села Привольное // *Материалы Шестой Международной междисциплинарной конференции по иудаике*. М. 1999. Ч. 2. С. 71–85), а часть «русскими караимами» (для последних в конце XIX в. караимы России опубликовали караимский сиддур, переведенный на русский язык).
- ²⁵ Авне зиккарон. Введение. С. 47.
- ²⁶ О деятельности р. Элияху Мизрахи см.: *Альтшулер М.* Указ. соч. С. 320–323.
- ²⁷ Раввины – выходцы из Персии или Ирака были обычным явлением среди евреев Восточного Кавказа, ср.: Указ. соч. Там же. С. 317.
- ²⁸ Авне зиккарон. Введение. С. 103.
- ²⁹ См.: *Альтшулер М.* Указ. соч. С. 44. А. Фиркович в 1851 г. следующим образом описал эту ситуацию: «...Из-за наших многих грехов вот уже сорок или пятьдесят лет, с того дня, когда проказа Талмуда стала распространяться среди евреев Дагестана, которые соблазнились словами раббанитских проповедников, тем, что они зовут бесконечным ограничением Закона (потому что называемое их устами “ограждение, предохранение Закона” разрушает основания здания Торы), уловками вроде *эрува*, не описанного в Торе, когда в пятницу произносят благословение и протягивают канаты и шнуры от стены к стене сверху. ■ субботу с разрешения раввинов лошадь с телегой и нагруженный осел проходят под ними, и раббанит с поклажей ходит под ними. И они не знали Торы Моисея, Торы, которую он написал. Тора, которую дал Всевышний, совершенна... И как сегодня все примерно пять тысяч глав семейств приняли раббанитскую религию, религию общины разрушителей основ Учения Моисея, отвергнувших Тору Моисея, унаследованную общиной Якова... подобно большинству общин диаспоры, сынов Израилевых, которых этими комментариями отвратили от Торы Моисея.

Божьего человека постепенно, понемногу также и они, как и все множество сынов Израиля. наши отцы, ходившие в святости, были людьми Торы, как вы, так и мы, и из-за того, что среди них не было книги и писца, совратились вслед за ними, и несмотря на это до сегодняшнего дня они следуют большей части обычаев их отцов – обычаям, относящимся к менструации, гонорее и нечистоте мертвого тела...» (ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 1051). Позднее А. Фиркович также писал: «Святая община самарян, изгнанных Салманасаром в Персию и из Персии перебравшихся в города Мидии, а *потому говорящих на персидском языке* (курсив мой – Д. Ш.) до сего дня и уже назвавших себя раббанитами, не будучи ими в полном смысле этого слова, придерживаются наполовину раббанитских обрядов, а наполовину караимских» (см.: *Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch* (1839–1872). S. 88. Примечание 1).

³⁰ Авне зиккарон. Введение. С. 64.

³¹ Там же. С. 60.

³² В отчете на русском языке, посланном в ООИДР, копия которого сохранилась в его личном архиве (ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 32), А. Фиркович утверждал, что Свиток был написан «не по правилам талмудистов». Цель данного утверждения, которое он не повторял в своих сочинениях на иврите, продемонстрировать властям еще одно расхождение между раввинистами и караимами. Фактически же этот Свиток Торы был сшит из *шести* различных рукописей, и его *масора* лишь отчасти отличается от обычной масоры. см.: *Harkavy A., Strack H.L. Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kais. Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg. 1875. S. 173–175.*

³³ Правил с 531 по 579 г. Распространенный русский вариант его имени во времена А. Фирковича – каковой у него и представлен – Хоздрой; этот же вариант встречается и в «Повести Временных Лет».

³⁴ «Камбис» – это русский вариант имени сына Кира. Во времена А. Фирковича еврейская форма (Камбузи) еще не была известна.

³⁵ Авне зиккарон. Введение. С. 60–61.

³⁶ Впервые опубликовано: *Реджио Й.Ш.* По поводу книг Торы и Пророков найденных в Крыму и в странах Тартарии // Цион. 1840–1841. Ч. 1. С. 138–139 (на иврите). Этот текст был послан М.И. Йосту «одним человеком из Одессы», скорее всего последователем Гаскалы Блюменфельдом; ср.: *Мордехай (Крейценбах?), Неизвестный (Йост?) Изучения писцов ...* // Цион. 1840–1841. Ч. 1. С. 135, 138 (на иврите); *Pinner E.-M. Prospectus der Odessaer Gesellschaft für Geschichte und Altherthümer gehörenden ältesten hebräischen und Rabbinischen Manuscripte. Odessa, 1845. S. 6; Пинскер С.* Собрания Древностей. Вена, 1860, С. 32 (на иврите); *Harkavy A., Strack H.L. Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kais. Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. S. 175–179.* По версии А. Фирковича 1844 г. (опубликованной под именем Тришкана в предисловии к татарскому переводу «Маджалисского документа», вышедшему в Стамбуле), после того, как они прибыли в Дербент, «мы услышали, что у них в синагоге, в *генизе*, лежат очень старые Свитки Торы, и 21-го зула (т.е. примерно через полтора месяца после их прибытия в Дербент) мы попросили их общинного служку принести их нам, что он и сделал, и наш учитель и наставник Авраам бен р. Шмуэль Фиркович взял один из

свитков Торы, написанный на выделанной коже (которая по-татарски называется *Мишин*), а не на весьма старом пергаменте, и стал его просматривать, и вот [мы увидели] знаки над буквами иные по сравнению с теми, что в масоре; и, увидев это, мы пошли в дом раввина Элияху, ... чтобы показать ему; он просмотрел Свиток от начала до конца, и в конце мы нашли текст "Путешествий", (курсив мой – Д. Ш.) написанный Иехудой бен Моше.... который сейчас находится в распоряжении моего учителя. Это тот Свиток Торы, с которого делал копию Авраам бен Симха Керченский в городе Хамадане ... А потом пришли люди из Маджалиса, которым была знакома эта находка, и рассказали нам, что во время строительства синагоги в стену вложили связку исписанной кожи, не зная, что она собой представляет... И мы еще раз вернулись в Дербент и 23-го кислева выехали из Дербента обратно в Крым, увозя с собой Свиток Торы, который нашли в Дербенте и связку кожи, найденную в Маджалисе...». Как явствует из письма Яакова из Дербента, сына местного меламеда, в доме которого останавливался А. Фиркович, служка за вознаграждение принес Свиток Торы в рабочий кабинет А. Фирковича. А. Фиркович вернул его через некоторое время, и служка положил его обратно в ковчег, и тогда же была обнаружена запись (опубликовано: *Кахана Д.* Дела Авраама бен р. Шмуэля Фирковича // Гашахар. 1884. Вена. № 22. С. 6, 7, 28–35, отдельный оттиск на иврите).

³⁷ Авне зиккарон. Введение. С. 70 и далее.

³⁸ Наряду с надписями на надгробиях Ицхака Сангари, Авраама ха-Сефаради и Эстер бат Шломо в Чуфут-Кале.

³⁹ Симптоматично, что подобная ситуация сопутствовала его находке древних текстов в синагоге крымских евреев-раввинистов в Карасубазаре в Крыму в 1839 г.

⁴⁰ «В году тысяча шестьсот восемьдесят втором от нашего изгнания, который четыре тысячи семьсот сорок шестой от Сотворения мира согласно исчислению наших братьев, евреев, живущих в городе Матархе».

⁴¹ «В году пять тысяч двести семьдесят третьем от Сотворения мира».

⁴² Впервые опубликовано: *Реджио Й.Ш.* По поводу книг Торы и Пророков, найденных в Крыму и в странах Тартарии. // Цион. 1840–1841. Ч. 1. С. 140 (на иврите); *Orient*. 1841. Bd. 2. S. 222. В 1845 г. текст был издан в Стамбуле И. Тришканом, спутником А. Фирковича, с примечаниями последнего на иврите и переводом на татарский, либо сделанным, либо отредактированным самим А. Фирковичем; 23 апреля 1845 года Балаш Габай из Константинополя известил Фирковича, находившегося в Евпатории, что Мордехай Тришкан и его сын в Стамбуле напечатали «Маджалисский Документ» (ОР РНБ, Ф. 946. Оп. 1. № 655). Русский перевод был дважды опубликован С. Беймом в Одессе в 1859 г. и в его книге «Чуфут-Кале и караимы». СПб., 1861. С. 29. Текст доступен также в: *Chwolson D.* Achtzehn hebräische Grabinschriften aus der Krim. St.-Petersburg, 1865. S. 123–124; *Strack H.L.* A. Firkovitch und seine Entdeckungen. Ein Grabstein der Hebräischen Grabschriften der Krim. Leipzig, 1876, S. 92–94.

⁴³ «Изгнание... что в Сефараде» (bsprwd) / Боспор, то есть Керчь.

⁴⁴ ОР РНБ, Ф. 946. Оп. 1. № 446.

⁴⁵ «Моше ха-Накдан впервые изобрел огласовку и знаки кантилляции, чтобы ученикам было легче научиться читать 'TaHaX».

- ⁴⁶ «Йешуа бен Элия, один из מְשִׁימֵי לְאֻזִּים из села Менджелис». Ср. письма евреев Дербента генералу Фезе (Fehse), писано рукой Фирковича (см.: ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 1946).
- ⁴⁷ «Я, Иехуда бен Моше ха-Накдан Мизрахи бен Иехуда ха-Гибор из колена Нафтали, рода Шалми, ушедшего в Изгнание вместе с царем Израиля Иосией и коленами Шимона и Дана...». Ср.: Эсфирь 2:6.
- ⁴⁸ Позднее, в 1844 и 1856 гг., А. Фиркович найдет на Мангупе надгробные памятники двух переписчиков «Маджалисского документа», Иешуа бен Симхи и Авраама бен Симхи ха-Сефаради (Авне зиккарон. С. 211–214, № 4, 15, 19, 41; см.: *Кахана Д.* Дела Авраама бен р. Шмуэля Фирковича. Примечание 21), однако надгробие № 41 – это дубль надгробия № 4 и не что иное, как грубая мистификация, существующая лишь на бумаге. Под «дублями» мы подразумеваем два надгробия с одинаковыми текстами, но различными датами. Как правило, «дубли» существуют лишь в тексте «Авне зиккарон», но не на караимских кладбищах. См.: Исследования одной караимской общины, подраздел «Дубли». Согласно «Дербентскому» и «Маджалисскому» документам, «подтинные» евреи Крыма и Кавказа были «сынами Писания». Небольшая их часть из Десяти колен Израильского Царства, большинство «из жителей Иудеи, Иерусалимского изгнания», которые пришли на помощь своим братьям, осажденным в Самарии, ... и во главе их стоял Гедалия, «сын царя Ахаза», то есть они – изгнанники эпохи Первого Храма. Салманасар «изгнал их в города Мидии примерно в 720 г. до н.э., и эту дату они имеют в виду, когда говорят “от нашего изгнания”». В Мидии они перешли на мидийский язык. В XIX в. население на территории библейской Мидии (иранский Азербайджан) говорило в большинстве на азербайджанском языке, и Фиркович считал, что точно также дела обстояли и в библейские времена. Следует отметить, что крымские караимы называли своих соседей-татар термином «мадай», что означало «невежда, грубиян, тулица» (см.: *Гордлевский В.А.* Лексика караимского перевода Библии // Доклады Академии Наук СССР. Л., 1928. С. 91. Примечание 2. Небезынтересно, что этот термин не фигурирует в современном Караимско-русско-польском словаре. М., 1974). Поэтому он идентифицирует мидийский язык с другим тюркским языком, крымско-татарским, на этнолектах которого в середине XIX в. говорили караимы и крымские еврей-раввинисты, и даже утверждает, что татары научились своему татарскому языку именно от караимов и евреев. Современному ученому трудно понять, каким образом иранское происхождение сочетается с тюркской речью, но Фирковичу это казалось совершенно естественным, тем более, что в его время в Иране правила азербайджанская династия Каджаров (добавим, что в России в прошлом азербайджанский – язык правящей династии и официальных документов – именовался «персидским», персидский же назывался «фарси» или «фарсидским»). «Камбиз/Камбис» награждал этих выходцев из Израиля и Иудеи, за помощь в войне с Тальмирой/Тумири, царицей *Шиттим* (Скифов), отдав им во владение Крым в середине V в. до н.э. (Фиркович возводил название Qrım/Qıptm, которое по-монгольски значит «укрепление, ров», к арабскому корню *krm, и понимал его как «подарок», который получили евреи; нужно также обратить внимание на то, что носители караимского языка, к которым принадлежал и Фиркович, родившийся на Волыни, – в отличие от носителей крымско-татарского языка – не видели

различия между звуками К и Q). Поскольку эта группа изгнанников из Самарии была оторвана от остальных своих братьев, ее летоисчисление от Сотворения мира отличалось от принятого у остальных евреев. Совершенно ясно, что здесь он пытается вплести легенду о потерянных Десяти коленах в караимско-крымский дискурс; однако стоит обратить внимание на одну интересную деталь: А. Фиркович превращает потерянные колена в колено Иуды, оказавшееся в ассирийском плену, иными словами, ему было важно сохранить иудейскую, а не только израильскую, составляющую крымских караимов. Это отождествление предков караимов с Иудеей у А. Фирковича было так сильно, что в письме к своему патрону С. Бабовичу, написанном незадолго до путешествия на Кавказ, он опасался, «как бы губернатор не подумал, что караимы – это самаритяне или хазары». Как уже было мною показано (см.: *Шатипра Д.* От «нашего изгнания» в Шхем. Визиты Авраама Фирковича к самаритянам // *Cathedra*. 2002. № 104. С. 85–94 (на иврите)), из контактов А. Фирковича с самаритянами в Шхеме (Наблусе) в 1864 г. вытекает, что он сам не верил в собственную концепцию, согласно которой предки крымских караимов «пришли из Самарии». Далее, согласно А. Фирковичу, крымские евреи не были в Иерусалиме, когда распяли Иисуса, не знали раздоров эпохи Второго Храма и не участвовали в создании Талмуда и в движении Анана бен Давида. Нужно отметить, что, несмотря на то, что в обиходе современных ему караимов, термины «сыны Писания» и «караимы» были тождественны, А. Фиркович их сознательно разделил, придав каждому свое значение. По Фирковичу, «Сыны Писания» говорили на мидийском языке, то есть на том тюркском, который якобы бытовал в Крыму до хазар и татар. Более того, в своих сочинениях А. Фиркович намекал, что крымские караимы отличались, в том числе, «своим физическим и моральным обликом, не похожим на облик их братьев-раббанитов ... потому что они не похожи даже на караимов, живущих в Константинополе, в Иерусалиме и в Египте» (Авне зиккарон. Введение. С. 7).

⁴⁹ Исследование одной караимской общины // Отчет экспедиции института Яад Бен Цви на еврейско-караимском кладбище в Чуфут-Кале (Крым). Под ред. Д. Шапира. Иерусалим (в печати, на иврите).

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 492.

⁵¹ Авне зиккарон. Введение. С. 77, приводится также в: *Альтицлер М.* Указ. соч. С. 35. Примечание 25; см.: также *Приложение* в конце данной статьи.

⁵² *Shapira D.* A Karaite from Wolhynia Meets a Zoroastrian from Baku // *Iran & Caucasus*. 2001. № 5. P. 105–106.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 26.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 25.

⁵⁵ В результате деятельности на Кавказе, А. Фиркович приобрел в 1840-х годах большую популярность и получал много писем с Кавказа. См. например: Батья бат Исраэль из Ширвана, Нехемия бен Эльханан, зять мудреца Элияху Мизрахи из Кубы с жалобой и просьбой о помощи (ОР РНБ. Ф. 946. Оп. 1. № 648).

⁵⁶ *Белый О.Б.* Обзор архивных документов по истории караимской общины Крыма в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского Караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей. Симферополь, 1996. Т. 2. С. 15.

- ⁵⁷ *Фиркович А.С.* Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. СПб., 1858. Ч. III. С. 133.
- ⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 946. Оп. I. № 811, 80.
- ⁵⁹ Первая синагога в Нальчике была построена в 1848 г., см.: История горских евреев Северного Кавказа в документах (1917–1929), Нальчик, 1999, С. 100.
- ⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 946. Оп. I. № 80.
- ⁶¹ Там же. № 325.
- ⁶² Там же. № 169.
- ⁶³ Йосеф Иехуда Черный был уполномочен российскими властями на Кавказе изучать горских евреев в том числе и по рекомендации С. Бейма, спутника А. Фирковича по первому путешествию в Крым. С. Бейму подобное разрешение было дано в 1867 г.
- ⁶⁴ Иногда к таким «свидетельствам» причисляют и сообщение И.Г. Гербера: «Раввины их также ничего больше не знают, как токмо то, что предки их Музулом Пади-Шахом или царем Музульским, т.е. Ниневийским уведены в Полон из Иерусалима и разосланы по Мидии и по здешним странам» (см.: Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря... находках и их состоянии в 1728 году, сочиненное полковником Артиллерии Иваном Густавом Гербером. СПб., 1760. С. 307). Более чем ясно, на мой взгляд, что источник этих познаний – знание Библии, и только.
- ⁶⁵ Авне зиккарон. Введение. С. 77, приведено у: *Альтицулер М.* Указ соч. С. 35. Примечание 25.
- ⁶⁶ *Прозиментов.* По поводу евреев Кавказа // Гамелиц. 1870. № 4; *Годович.* Об истории евреев // Там же. 1870. № 28–30; ср.: *Альтицулер М.* Указ соч. С. 35. Примечание 19.
- ⁶⁷ *Черный Й.И.* Книга путешествий по Кавказу. СПб., 1884. С. 23, 224 (на иврите); Книга С. Бейма «Воспоминания о Чуфут-Кале» с переводом на русский язык «Дербентского» и «Маджалисского» документов вышла в 1862 г.; «Авне зиккарон» была опубликована в 1872 г.
- ⁶⁸ Предания о некоторых местностях Дагестана. Сообщил А. Барсов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1882. Вып. II. Отд. 2. С. 138–140.
- ⁶⁹ *Миллер В.Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб., 1892. С. 2–3. Примечание 6.
- ⁷⁰ В этой связи, ср.: Исследования одной еврейской общины, глава «Фиркович, Хвольсон и их надписи». Интересно, что в книге В.Ф. Миллера нет упоминания о «Маджалисском документе» (который служил одной из отправных точек изысканий для самого Д. Хвольсона, см.: *Chwolson D.* Achtzehn hebräische Grabinschriften aus der Krim. S.-Petersburg, 1865; У: *Миллер В.Ф.* Указ соч. С. 3, находки А. Фирковича, между прочим, названы «сомнительным источником»).
- ⁷¹ *Миллер Б.* Таты, их расселение и говоры. Материалы и вопросы. Баку, 1929. С. 22.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- Шапира Д.* Как наблюдатель трансформирует наблюдаемый объект: Авраам Фиркович на Кавказе в 1840 г. и 1849–1850 гг. и его влияние на горских евреев 8
- Фишман Д.* Заново изобретая еврейскую общину: «современная кехила» в работах автономистов начала XX в. 31
- Меламед Е.* Из истории собирания и изучения еврейского письменного наследия на Украине в 20–30-е гг. XX в. (О попытке создания Центрального еврейского исторического архива в Киеве) 51
- Гензелева Р.* Несанкционированная сатира советских евреев: пуримшпили 70-х–80-х годов 78
- Данилкова Ю.* Кафка и мир еврейской культуры Восточной Европы 90
- Бурда И.* Язык идиш в идеологии и политической практике Владимира Жаботинского 105
- Городецкий Л.* Идиш в дискурсе Осипа Мандельштама (материалы к словарю идишизмов) 114
- Чернин В.* «У врат миров»: религия и секуляризация творчества Давида Гофштейна на примере анализа стихотворения «Зимними вечерами» 148

Публикации

- Кулишер М.И.* Эпоха Екатерины II (Вводная статья и публикация Г. Элиасберг) 160
- «Янкель взял меня в свое местечко – Озаричи...»: Записки Хавы Лившиц (Вступительная статья и подготовка к публикации Л. Лившиц и Л. Кациса) 221

Varia

- Локишин А.* Рецензия на монографию Бенджамина Натанса «За Чертой. Встреча евреев с поздней имперской Россией». Издательство Калифорнийского Университета, 2002 230
- Куповецкий М.* Рецензия на монографию Елены Носенко «Быть или чувствовать? Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России». М., ИВ РАН: Крафт +, 2004 236
- Туров И.* Академическая иудаика в Киеве в 2002–2005 гг. 241

И94 **Judaica Rossica: Сб. статей. Вып. 4 / Отв. ред. М.С. Куповецкий.**
М.: РГГУ, 2006. 247 с.
ISBN 5-7281-0938-9

Ежегодник Российско-американского центра библеистики и иудаики РГГУ включает в себя исследования и публикации по истории и культуре евреев Восточной Европы и России. Представлены статьи сотрудников, преподавателей и аспирантов Центра библеистики и иудаики РГГУ, а также работы специалистов в различных областях иудаики из Украины, США и Израиля.

Для всех интересующихся историей и культурой евреев.

ББК 63.3(0=Евр)я43

Научное издание

JUDAICA ROSSICA

Сборник статей

Выпуск 4

Корректор

Н.П. Гаврикова

Художественный редактор

М.К. Гуров

Технический редактор

Г.П. Каренина

Компьютерная верстка

Н.А. Пичугин

Лицензия ИД № 05992, выд. 05.10.2001.

Подписано в печать 01.06.2006.

Формат 60х88^{1/16}.

Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 15,0.

Тираж 400 экз.

Заказ № 134.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267 Москва, Миусская пл., 6
(499) 973-4200

Памятка для авторов

Статья представляется в редакцию
в бумажном и электронном виде.

На странице должно размещаться
28 – 30 строк, напечатанных
с двойным интервалом, количество
знаков в строке – 59 – 60.

Объем статьи - не более 1,5 – 2 а.л.
Список используемой и цитируемой
литературы и архивных источников
с комментариями должен быть

помещен в конце статьи
и пронумерован. Номера ссылок
приводятся в тексте над строкой.

Библиографическое описание
источников дается
по действующему стандарту,
так, как это принято
в современной научной литературе.

К статье прилагается
краткое резюме на английском
языке объемом не более 0,5 стр.

